

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

1896.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОДНОЙ ТАБЛИЦЫ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1897.



W. M. M. M. M.

Памяти Ивана Павловича Минаева.

9 Октября 1840 — 1 Июня 1890.

Заканчивая десятимъ томомъ первую серію «Записокъ Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества», редакція считала необходимымъ помянуть одного изъ самыхъ дѣятельныхъ своихъ сотрудниковъ Ивана Павловича Минаева и обратилась къ пишущему эти строки съ предложеніемъ написать нѣсколько словъ о покойномъ его учителѣ.

Мы не будемъ останавливаться на внѣшнихъ подробностяхъ жизни Ивана Павловича и не попытаемся дать полную его характеристику, а коснемся лишь одной стороны его научной дѣятельности, которая, какъ намъ кажется, болѣе всего была ему близка — изученія вмѣ исторіи религій.

На первыхъ же страницахъ дневника, который Иванъ Павловичъ велъ, хотя и съ большими перерывами, съ четвертаго курса университета и почти до самой смерти, мы находимъ слѣдующую записку:

«Вчера вечеромъ, когда я гулялъ при лунномъ свѣтѣ, мнѣ пришла въ голову мысль: отчего человѣку такъ трудно отрѣшиться отъ своихъ вѣрованій; отчего, какъ бы мысль въ немъ сильно не работала, онъ всегда держится какого либо догмата? Въ области ли гражданственности, или семейномъ быту, или же въ наукѣ—всегда у человѣка найдется уголокъ, къ которому онъ не смѣетъ подойти съ пожемъ анализа ¹⁾».

Въ этихъ строкахъ ясно видно, что привлекало молодого ориенталиста въ вѣрованіяхъ народовъ Востока: ему хотѣлось самому проникнуть съ «ножемъ анализа», въ тѣ тайны, которыя для десятковъ милліоновъ людей въ теченіи многихъ вѣковъ были святая святыхъ, узнать эти тайны и объ-

1) Дневникъ, 29 Июня 1862 года.

яснить себѣ, что же собственно въ нихъ заключалось, что именно давало смыслъ жизни человѣку востока — человѣку религіи. Послѣ недолгихъ занятій Кптаемъ Иванъ Павловичъ обратился къ той странѣ, которая изъ всѣхъ странъ религіознаго Востока можетъ справедливо считаться страной религіи по преимуществу — къ Индіи. Нигдѣ конечно и никогда не было страны, которая бы такъ неустаяно и непрерывно искала себѣ вѣры, какъ Индія; нигдѣ такъ широко, глубоко и свободно не ставились вопросы вѣры. Здѣсь это было, что уже въ III вѣкѣ до Р. Хр. всенародно провозглашались слова, еще и въ XIX вѣкѣ не вполне доступныя просвѣщенному западу: «Всякая чужая вѣра должна быть уважаема!... и тотъ, кто чтитъ свою вѣру и порицаетъ чужую изъ преданности своей вѣрѣ, думая: «я возвеличиваю этимъ свою вѣру», тотъ сильно вредитъ своей вѣрѣ. И потому только согласіе и полезно, такъ чтобы люди слышали одинъ законъ другого и чтобы они любили слушать его ¹⁾».

Прежде всего Иванъ Павловичъ обратился къ Ведамъ и въ свой дневникъ онъ заноситъ программу спеціальнаго изслѣдованія Ригведы²⁾. Выбираетъ онъ ее по тремъ причинамъ, формулируя ихъ такъ:

1) «Держась хронологическаго порядка въ занятіяхъ исторіей Индіи, я долженъ былъ остановиться на древнѣйшемъ памятникѣ. Кромѣ того:

2) Выборъ мой оправдывается великимъ значеніемъ его въ индѣйской жизни и науки, и какъ перваго историческаго памятника; и наконецъ:

3) Я выбралъ его для сознательной оцѣнки трудовъ европейскихъ ученыхъ по первому періоду индѣйской исторіи, въ то же время ожидая отъ [Ригведы] отвѣта на многіе вопросы, занимающіе меня въ настоящее время».

Изъ дальнѣйшихъ записей дневника мы видимъ, что нѣкоторое еще время молодой историкъ религіи продолжаетъ заниматься Ведами, но затѣмъ поѣздка на Западъ и доступъ къ сокровищамъ лондонскихъ и парижскихъ библиотекъ приводятъ его къ изученію буддизма, столь мало извѣстнаго и особенно любопытнаго тѣмъ, что ему одному изъ многихъ религіи Индіи пришлось стать міровою религіею. Здѣсь Иванъ Павловичъ нашелъ себѣ главную задачу жизни и сюда онъ внесъ и съ такою пользою для дѣла тотъ «ножъ анализа», о которомъ онъ говорилъ еще на студенческой скамьѣ. Что побудило его остановиться окончательно на буддизмѣ мы затруднимся сказать, такъ какъ не имѣемъ на это прямыхъ указаній, да и причинъ

1) XII-ый эдиктъ царя Ашоки.

2) Дневникъ, 30 Сентября 1862: Окончательная редакція программы моихъ занятій. (Читана [М.] П[рахов]у и Ф[едоров]у).

вѣрно было много; но намъ кажется, что въ буддизмѣ и его пессимизмѣ Иванъ Павловичъ думалъ найти откликъ тому безотрадному и безнадежному настроенію, которое красною нитью проходило черезъ всю жизнь его. Для него конечно должно было казаться особенно привлекательнымъ изученіе вѣры людей, исходившихъ изъ безнадежнаго пессимизма и сдумѣвшихъ всетаки найти путь, приведшій ихъ къ примиренію, къ успокоенію. Уже черезъ много лѣтъ, говоря своимъ слушателямъ о важности изученія религій Востока для всякаго мыслящаго человѣка, онъ замѣчаетъ, что конечно не хочеть этимъ сказать, чтобы современному человѣку слѣдовало искать себѣ въ этихъ религіяхъ вѣру. Въ этихъ словахъ какъ будто звучитъ воспоминаніе о томъ времени, когда молодой историкъ Востока, истомленный постояннымъ самоанализомъ, искалъ того мѣста, гдѣ былъ бы безспленъ ножъ его критики.

За буддизмъ Иванъ Павловичъ принялся съ жаромъ: онъ читаетъ палийскія, санскритскія, пракритскія рукописи, списываетъ ихъ, наполняетъ замѣтками тетрадки, издаетъ затѣмъ тексты, и наконецъ ѣдетъ въ Индію— на мѣста. Какъ паломникъ онъ обходитъ всѣ святыни; онъ на Цейлонѣ, среди монаховъ, свято хранящихъ преданіе, преемниковъ творцовъ палийскаго канона, который считается представителемъ первоначальнаго преданія—черезъ нѣсколько лѣтъ Иванъ Павловичъ приступитъ къ нему съ «ножемъ анализа» и будетъ доказывать, что и это преданіе, какъ большинство преданій, не столь древне и не столь достовѣрно. Мы находимъ его затѣмъ у священнаго древа, подъ которымъ великій буддійскій аскетъ, достигъ когда-то всевѣдѣнія и гдѣ по понятіямъ буддистовъ какъ бы рай земной. «Но, увы!», замѣчаетъ путникъ, «на самомъ дѣлѣ, около «древа знанія» запустѣніе, и оно доживаетъ послѣдніе дни своей долгой жизни. Въ мѣстѣ буддійскомъ по преимуществу все буддійское въ упадкѣ и загонѣ; здѣсь свилъ гнѣздо другой культъ; иные боги здѣсь прославляются». . . и уѣзжая онъ спрашиваетъ себя, глядя на старинныя буддійскія статуи, которыя чтутся народомъ подъ именемъ брахманскихъ боговъ: «въ чемъ же состоялъ прогрессъ въ Индіи?»

Вотъ онъ затѣмъ и въ Непалѣ, послѣднемъ и единственномъ оплотѣ буддизма на индійскомъ материкѣ— онъ видитъ здѣсь картину того, чѣмъ сталъ бы буддизмъ въ Индіи, если бы онъ тамъ примирился съ существующими вѣрованіями и заимствовалъ бы ихъ болѣе жизненныя свойства. Суевѣрія и всепоглощающій культъ—вотъ къ чему главнымъ образомъ свелся буддизмъ въ Непалѣ; нѣтъ здѣсь монастырей, съ монахами, начитанными въ священномъ писаніи, нѣтъ здѣсь философскихъ споровъ, а просто веселый и добродушный народъ благодаритъ своихъ безчисленныхъ боговъ и святыхъ

за все хорошее, что даетъ жизнь, и въ горѣ и бѣдѣ приносятъ имъ умпости-
вительныя жертвы. И все это для Ивана Павловича ярко выражается въ
коротенькой бытовой картинкѣ, которую онъ увидѣлъ на склонѣ холма, глав-
ной святыни Непала — знаменитаго Самбхунатха: на травкѣ близъ часовни
расположились мужчины и женщины, попивали водку и смѣялись, и вдругъ
запѣли всѣ хоромъ и въ священномъ мѣстѣ, среди храмовъ и святынь, по-
лилась пѣсня:

1. «Не кипись, красавица! Вѣдь всѣ люди знаютъ, какъ мы жили съ тобою.
Безъ меня тебѣ не наслаждаться.
2. «Молодость — свѣжій ростокъ; молодость — мгновение для наслажденія!
Теперь ли намъ съ тобою разставаться?
3. «Дни уходятъ, дни исчезаютъ. И затѣмъ на что же молодость?» . .

Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ опять въ Индіи, онъ всматривается въ со-
временную жизнь; это — время политическихъ тревогъ, сомнѣній и надеждъ.
Онъ много бесѣдуетъ съ индійцами и пополняетъ свои книжныя знанія
знаніями, взятыми прямо изъ жизни. Эти годы онъ занятъ не только исто-
ріей религій и буддизмомъ, но и историческая географія и полтика увле-
каютъ его; онъ работаетъ очень много и при поверхностномъ взглядѣ ка-
жется, что онъ на время отложилъ свой «ножъ анализа» и просто рабо-
таетъ и живетъ. До извѣстной степени это и такъ, и въ связи съ этимъ от-
части стоятъ и ослабленіе интереса къ занятіямъ религіями, но дневникъ
показываетъ, что это именно только до извѣстной степени такъ. Со второй
половины 80-хъ годовъ и уже до смерти онъ возвращается къ буддизму, и
ему удастся даже еще побывать въ новой буддійской странѣ — Бирмѣ.

Въ послѣдніе годы къ постояннымъ сомнѣніямъ и мучительному само-
анализу присоединяются физическія страданія — является призракъ смерти,
и тутъ ярко сказывается та постоянная двойственность, которая являлась
характерной чертою Ивана Павловича и которая, благодаря его большой
замкнутости и необщительности, была въ сущности извѣстна очень немно-
гимъ. Мы привыкли въ людяхъ безпощаднаго самоанализа и самобичеванія
видѣть людей пассивныхъ, проходящихъ бесслѣдно въ жизни — здѣсь мы
имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который почти всю жизнь, каждый день, каж-
дый часъ мучилъ себя анализомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда работалъ, оста-
вилъ много цѣнныхъ трудовъ и оставилъ бы еще гораздо больше, если бы
его не сразила смерть въ цвѣтѣ лѣтъ. Мы сказали, что къ его мученіямъ
прибавилось новое мученіе — призракъ смерти, нежеланіе умереть, которое
такъ понятно въ каждой сильной, работающей натурѣ, потому что смерть,
преждевременная смерть — это отдыхъ, перерывъ работы тогда, когда рабо-
тающій сознаетъ, что работа не кончена и что надо-бы работать дальше. За

короткое время до его смерти мы видѣлись съ нимъ: тяжело больной, истомленный онъ остановился въ Парижѣ на пути домой; онъ почти не говорилъ, потому что и говорить и даже дышать ему было уже трудно, но когда мы спросили его про одну неконченную работу, о которой онъ самъ незадолго передъ тѣмъ упоминалъ, онъ съ горечью отвѣтилъ: «Вы сами хорошо знаете, что ни этой и ни какой другой работы я не кончу, ничего, ничего не кончу». И въ этихъ словахъ такъ и чувствовалось, что ему, которому и жить то собственно никогда не хотѣлось, не хотѣлось и умирать.

Уже больной онъ началъ курсъ, который ему давно хотѣлось читать — курсъ о религіяхъ Индіи. Этимъ чтеніямъ, какъ и столь многому въ его жизни, суждено было остаться неоконченными, въ бумагахъ Ивана Павловича; сохранившіяся записки не представляютъ собою ничего цѣльнаго, и мы могли оттуда извлечь только часть вступительной лекціи, въ которой онъ высказываетъ свой взглядъ на значеніе изученія исторіи религіи. Отрывокъ этотъ представляется намъ настолько законченнымъ, что мы сообщаемъ его здѣсь.

«Мнѣ было очень пріятно, когда вы заявили мнѣ о вашемъ желаніи прослушать мой небольшой курсъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ древнихъ Индійцевъ.

Я объявилъ этотъ курсъ и долго не начиналъ его въ силу многихъ соображеній и сомнѣній. Какъ всякій изслѣдователь, добросовѣстно относившійся къ своему дѣлу, я былъ вполне увѣренъ въ томъ, что послѣ многолѣтнихъ специальныхъ занятій я могъ-бы конечно во всякомъ случаѣ сообщить моей аудиторіи кое-что интересное и важное изъ своихъ специальныхъ изслѣдованій и разысканій. Но меня не удовлетворяло одно это: я посмотрѣлъ на свою задачу иначе, — въ специальномъ курсѣ о религіозныхъ вѣрованіяхъ древнихъ Индійцевъ — хотѣлъ показать высокое и при томъ не только специальное, но и общее значеніе этого рода изученія. Мнѣ казалось настоятельно нужнымъ не только возбудить вашу любознательность, пробудить интересъ къ специальнымъ разысканіямъ настоящаго курса, но и показать ихъ общее значеніе.

Для разрѣшенія такой задачи недостаточно добросовѣстности, знаній — но еще важнѣе полное и ясное сознаніе самой задачи. Только тогда и возможна та убѣдительность, безъ которой эта главная цѣль останется недостижимой. Отсюда и происходили тѣ сомнѣнія: мнѣ казалось недостаточнымъ, и пожалуй даже не очень нужнымъ представить вамъ болѣе или менѣе интересную картину всего того, во что вѣровали и отчасти до сихъ поръ вѣруютъ Индійцы. Мнѣ хочется убѣдить васъ въ томъ, что знаніе восточныхъ религіи нужно и очень важно не только всякому, кому придется со

временемъ дѣйствовать на востокѣ — но изученіе религій имѣетъ высокое значеніе для каждаго современнаго мыслящаго человѣка. Я этимъ не хочу, конечно, сказать, что современный человѣкъ можетъ или долженъ искать свою вѣру—въ восточныхъ канонахъ.

О религіи, прекрасно сказалъ одинъ изъ великихъ современныхъ мыслителей — пророкъ Исаія нашихъ дней ¹⁾, что это самый существенный фактъ для познанія, какъ человѣка, такъ и народа — когда говоримъ «религіи», то не разумѣемъ подъ этимъ словомъ догматическое исповѣданіе той или другой вѣры, а понимаемъ религію въ смыслѣ теоріи жизни. И дѣйствительно, нельзя знать ни человѣка, ни народа, не вѣдая, какъ тотъ или другой понимаетъ свои отношенія къ невидимому, или свои задачи и свой долгъ въ жизни здѣшной, и только зная это можно опредѣлить себѣ, что это за человѣкъ и что станетъ онъ дѣлать здѣсь. Если вы оглянетесь кругомъ себя и, поскольку вамъ возможно, станете вгладываться въ современную жизнь не только у насъ, но прислушаетесь къ тому, о чемъ громко говорить человѣчество тамъ, гдѣ ему не запрещено говорить, вы должны будете сознать, что вѣкъ прогресса къ своему стыду забылъ о религіи — въ этомъ смыслѣ.

И современный человѣкъ можетъ найти много поучительнаго для себя въ архаическомъ мірѣ. Изученіе его откроетъ передъ его взоромъ такую ширь горизонта, которую въ нашъ вѣкъ заслоняютъ живыя или незрѣлыя мысли о всемъ томъ, что многіе кичливо склонны называть прогрессомъ, успѣхомъ. Въ этихъ исканіяхъ истины, быть можетъ столь же древнихъ какъ и само человѣчество, мы откроемъ то истинное богатство, котораго нѣтъ въ современной жизни—и сказанія о быломъ напомнятъ намъ то, что такъ часто забывается въ настоящее время: не съ правами мы пришли въ этотъ міръ, но съ обязанностями. Правъ у человѣка нѣтъ. Будь справедливъ, и тогда ты можешь предъявлять притязанія на справедливость въ отношеніи къ себѣ. Обязанности кругомъ человѣка всюду. Дѣло человѣка —

1) [Карлейль: «It is well said, in every sense, that a man's religion is the chief fact with regard to him. A man's, or a nation of men's. By religion I do not mean here the church-creed which he professes, the articles of faith which he will sign and, in words or otherwise, assert; not this wholly, in many cases not this at all. . . . But the thing a man does practically believe (and this is often enough *without* asserting it even to himself, much less to others); the thing a man does practically lay to heart, and know for certain, concerning his vital relations to this mysterious Universe, and his duty and destiny there, that is in all cases the primary thing for him, and creatively determines all the rest. That is his *religion*; or, it may be, his mere scepticism and *no-religion*: the manner it is in which he feels himself to be spiritually related to the Unseen World or No-World; and I say, if you tell me what that is, you tell me to a very great extent what the man is, what the kind of things he will do is». (F. Carlyle. On Heroes, Hero-worship and the Heroic in History. Lecture I). C. O.]

выяснить себѣ эти обязанности и точно ихъ исполнять. Только при этомъ условіи возможно процвѣтаніе—тотъ истинный прогрессъ—котораго нѣтъ въ современной жпзни, потому что служеніе безусловной истинѣ несомнѣ-стимо со служеніемъ Ваалу. Исканіе лучшаго правительства, погоня за пол-итическими правами, за матерьяльнымъ богатствомъ и т. д.—не истинное дѣло человѣка, потому что все это не открываетъ ему истины, не ведетъ къ царству Божью, иными словами—къ властительству справедливости. И съ этими мнимыми правами, и при пресловутой полптической свободѣ, человѣкъ можетъ нарушать превѣчный порядокъ міровой правственности—и, за та-кимъ нарушеніемъ необходимо должно послѣдовать возмездіе: Синайскіе громы, Ассирійскія полчища—суть символы этого возмездія, и эти символы не утратили своего значенія для современной жпзни. Это возмездіе можетъ и должно повторяться: — безнаказанно нельзя нарушать того, что устано-влено отъ превѣчности. Нельзя жить не заботясь о справедливости, не вы-яснивъ себѣ дѣлей жпзни, или невѣрно построивъ свою задачу.

Это всякій сознаеть; быть можетъ, не всякій отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что въ этотъ вѣкъ прогресса что-то не ладно, что при всѣхъ ма-терьяльныхъ успѣхахъ — загадка жпзни все-таки неразрѣшима и мучитъ человѣка; въ своемъ сознаніи онъ находитъ пустоту и изо-всѣхъ силъ бьется восполнить ее — во всемъ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Это настроеніе, полное глубокой скорби, сказывается и въ современномъ направленіи философской и религіозной мысли: современнй человѣкъ или, немудр-ствуя лукаво, служить Ваалу, или безпомощно ищетъ разгадки — и не на-ходитъ ее—и это такъ естественно въ тотъ вѣкъ — когда въ Европѣ мы-слители, выдающіеся умы даютъ отрицательные отвѣты не только на во-просъ: христіане-ли мы? — но даже отвѣчаютъ «нѣтъ» на вопросъ — есть ли у насъ религія?

Но я не имѣю въ виду описывать вамъ современное религіозное на-строеніе — и сказалъ объ этомъ нѣсколько словъ, потому что это печальное настроеніе цивилизованнаго человѣчества пробудило въ немъ интересъ къ предмету, непосредственно входящему въ мой курсъ. Хотя этотъ интересъ въ современной намъ литературѣ весьма часто сказывается въ болѣзненной и уродливой формѣ — но какъ знаменіе времени, это феноменъ — мимо ко-торого нельзя проходить, не обращая на него вниманія. Въ этомъ интересѣ къ изученію восточныхъ религіи — у большинства, не разумью ученыхъ спеціалистовъ, сказывается не отвлеченная любознательность, но, какъ мнѣ кажется, жизненная боль, утолить которую ищетъ современнй человѣкъ.

Этотъ интересъ къ восточнымъ религіямъ народился — почти что на глазахъ современнаго поколѣнія. Репанъ въ одной пзъ своихъ послѣднихъ

книгъ ¹⁾ рассказываетъ, какъ онъ принесъ статью о буддизмѣ въ редакцію *Revue des deux mondes*. Бюлозь, говоритъ Ренанъ, похвалилъ меня за многія подробности, но онъ никакъ не могъ допустить, чтобы въ статьѣ рассказывались истинные факты, и на всѣ доводы отвѣчалъ: невозможно предположить, чтобы когда-либо и гдѣ-либо существовали такіе глупые люди. Бюлозь, прибавляетъ Ренанъ, былъ всего менѣе буддистъ; но, несомнѣнно, у него было острое чутье ко вкусамъ читающей публики, и онъ отвергъ статью за ея содержаніе, показавшееся ему невозможнымъ, измышленнымъ, только потому, что читающая публика по его убѣжденію не могла заинтересоваться этими выдумками. Въ тѣ годы полной вѣры въ политическіе идеалы читателю было не до такихъ отвлеченностей — многіе-ли и теперь вѣрятъ въ то, что человѣчество не можетъ обновиться и переродиться безъ религіи? А тогда еще не было тѣхъ печальныхъ политическихъ опытовъ, которые отрезвили западнаго человѣка послѣ многихъ катастрофъ. Религіозный вопросъ былъ на заднемъ планѣ: восточными религіями интересовались спеціалисты преимущественно, да были можетъ нѣкоторые нѣмецкіе философы. Аріицу въ Европѣ была совершенно чужда и непонятна глубина и безутѣшность индійскаго пессимизма. Онъ могъ еще плакать и скорбѣть вмѣстѣ съ семитскимъ мудрецомъ о томъ, что «подъ солнцемъ ни легкимъ теченіе, ниже сильнымъ брань, ниже самому мудрому хлѣбъ, ниже разумнымъ богатство, ниже вѣдушимъ благодать» ²⁾. Земная неправда могла еще возмущать постольку, поскольку она вторгалась въ его жизнь. Для кого могъ имѣть чарующую прелесть этотъ скорбный вопль о злѣ бытія, или этотъ аскетизмъ, безребренность восточнаго мудреца? Могло-ли это быть понятно въ вѣкъ безусловной вѣры въ богатство, въ вѣкъ, возмнившій о себѣ, что съ него начинается новая эра, когда все обсуждается не съ нравственной или эстетической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія матерьяльнаго удобства или неудобства, и свершаются великія дѣла безъ нравственнаго велчія. Но едва ли одному изъ этихъ дѣлъ суждено быть такъ же долговѣчно, какъ свершенному аскетомъ и нищимъ Индіи.

Съ тѣхъ поръ однако же въ Европѣ пробудился значительный интересъ къ изученію религіи. Нельзя конечно объяснять это только успѣхами знанія въ этой области и нельзя также отрицать, что въ этомъ интересѣ не всегда сказывается одна здоровая пылливость, но у многихъ и весьма часто какое то болѣзненное и потому и печальное исканіе истины. Явленіе болѣзненное, объясняемое современными условіями жизни: человѣкъ ни во что не вѣритъ — и всюду ищетъ вѣры и разгадки жизни.

1) [E. Renan. *Nouvelles Études d'Histoire Religieuse*. Paris 1884. p.p. I—II. С. О.].

2) [Еккл. IX. 11. С. О.].

На востокѣ религія всегда и по сіе время не утратила своего полного жизненнаго смысла. Всѣ великія міровыя религіи народились въ Азіи, и не слѣдуетъ думать, что религіозное творчество тамъ изсякло въ настоящее время; напротивъ, ближайшее знакомство съ умственнымъ настроеніемъ азіата современнаго, съ его духовнымъ расположеніемъ заставляеть предполагать, что именно въ Азіи и въ настоящее время возможны и очень вѣроятны религіозныя циклоны, неудержимыя въ своемъ стремленіи и не преодолимые никакою человѣческою силою. У азіата есть энтузіазмъ вѣры, пылкая фантазія, надежда безпредѣльная, смѣлость увѣренности, доходящая до отрицанія или игнорированія очевидности. Сравните его съ европейцемъ нашихъ дней и вы увидите, что почва для религіознаго движенія не въ Европѣ, а тамъ, гдѣ люди ищуть мученическаго вѣнца и въ смерти за вѣру находятъ какую-то сладострастную цѣгу... Такова Азія была и есть по сіе время, и можно-ли ее понять не зная ея идеаловъ и жизненной философіи, иными словами, не зная ея религіи? И въ такомъ видѣ мнѣ представлялся общій интересъ, связанный съ изученіемъ индійскихъ религіи: изучая эти стародавнія системы вѣрованій, мы не только изучаемъ самую суть древняго міра, но и знакомимся съ такими сторонами архаической жизни, прелесть которыхъ современному человѣку не вѣдома.

Религія, какъ объектъ научнаго изслѣдованія, должна быть изучаема объективно; при научномъ описаніи религіозныхъ феноменовъ нельзя преслѣдовать апологетическихъ цѣлей или прибѣгать къ какимъ-либо полемическимъ приемамъ. Фактъ долженъ быть обслѣдованъ въ возможной полнотѣ и при полной объективности изслѣдователя. При изслѣдованіи каждаго частнаго факта необходимо однако же имѣть общія руководящія идеи.

Нельзя описывать религіозныя феномены не уяснивъ себѣ, что такое религія, или не давъ себѣ отчета въ томъ, какъ начиналось религіозное сознаніе. Эти два вопроса должны быть выяснены въ самомъ началѣ. Сущность всякаго духовнаго развитія раскрывается намъ во всецѣлости его историческаго развитія и можетъ быть понятна только тогда, когда этотъ процессъ прослѣженъ до зачатковъ и когда такимъ образомъ раскроются его источники.

Проблема о пробужденіи религіознаго сознанія въ человѣчествѣ едва-ли можетъ быть разрѣшена непосредственнымъ наблюденіемъ. Она рѣшается на основаніи теоретическаго предположенія о первичномъ откровенномъ монотеизмѣ или же на основаніи гипотезы о томъ, что человѣчество достигло извѣстнаго совершенства, отираваясь отъ состоянія близкаго и даже вполне сходнаго съ животнымъ.

Если таково было состояніе первичнаго человѣка — то естественно можетъ возникнуть вопросъ, всегда-ли у человѣка была религіозность? Мы знаемъ, дѣйствительно, что древнѣйшіе словесные памятники — религіозные. Мы можемъ съ большою увѣренностью предполагать, что даже среди доисторическихъ вещественныхъ остатковъ есть вѣроятныя указанія на религію. Но было-ли всегда такъ? и если нѣтъ, то какъ началась религіозность?

Послѣдняя теорія о началѣ религіи отправляется отъ гипотезы «развитія»: всѣ видоизмѣненія, представляющіяся съ субъективной точки зрѣнія упадкомъ или прогрессомъ, въ силу этой гипотезы объясняются, какъ естественный ростъ религіи.

Съ такой точки зрѣнія судьбы религіи обусловливаются народнымъ характеромъ, особенностями расы, вліяніемъ внѣшнихъ окружающихъ обстоятельствъ, дѣятельностью отдѣльныхъ индивидуумовъ. Въ такомъ изображеніи судебъ религіи намъ должны открываться законы, опредѣляющіе ея развитіе. Всякая религія въ моментъ своего процвѣтанія состояла въ полномъ согласіи съ теоретическимъ или философскимъ сознаніемъ. Но это согласіе не вѣчно; оно нарушается всякій разъ, когда пробуждается чувство, что степень религіознаго сознанія, какъ и всякая стадія духовнаго развитія человѣчества, имѣетъ только относительную цѣну — тогда начинается борьба между двумя сознаніями — консервативнымъ или религіознымъ и постулатнымъ или философскимъ. Побѣда остается за философскимъ; но черезъ это самое религіозное не уничтожается. Религія поднимается на высшую ступень. Исторія религіознаго развитія есть провѣрка вѣры наукою, пными словами постепенное очищеніе религіознаго сознанія отъ всего несущественнаго, временнаго, условнаго — образованіе религіи освобожденной отъ догматовъ, не состоящей въ противорѣчій съ наукою и нравственностью.

Гипотезою этой не рѣшается однако же вопросъ о томъ, произошли-ли всѣ извѣстныя намъ религіи отъ одного источника, то есть, отъ одной доисторической религіи, или же отъ разныхъ, независимыхъ въ своемъ историческомъ началѣ, но сходныхъ по идеѣ. Этого историческаго начала мы не знаемъ, но есть основаніе предполагать, что слабые слѣды первичной религіи сохранились и дошли до насъ въ той стадіи религіознаго развитія, которую принято обозначать общимъ терминемъ анимизма.

Исторія религіи необходимо явится одностороннею, если изслѣдователь не обратитъ должнаго вниманія на генеалогическую связь между различными религіозными доктринами и на ихъ взаимныя историческія отношенія, дававшія начало различнымъ направленіямъ. . . .»

На первыхъ страницахъ дневника молодого студента, готовившагося вступить въ жизнь, мы нашли вопросъ, отчего это такъ бываетъ, что у всякаго человѣка найдешь уголокъ, куда онъ боится подойти съ «ножемъ анализа»? Когда черезъ тридцать почти лѣтъ послѣ того умиралъ извѣстный уже ученый, то онъ, который всю почти жизнь свою изучалъ людей именно съ этой стороны, могъ бы вѣрно дать юношѣ полный отвѣтъ указаніемъ на свою жизнь за эти двадцать восемь лѣтъ: онъ сказалъ бы ему, что тѣ немногіе, которые не могутъ или не хотятъ сохранять себѣ этого «уголка», осуждены на холодную, одностороннюю жизнь. Только, можетъ быть, такая жизнь и есть настоящая жизнь? Такъ ли, или иначе думалъ Иванъ Павловичъ, мы этого теперь уже не узнаемъ, а сами мы скажемъ, что для насъ и въ его жизни и въ его работахъ много уроковъ, которыхъ мы не забудемъ.

С. Ольденбургъ.

С.-Петербургъ. 11 февраля 1896 г.